

Дом четырёх сезонов. Книга 1

Смерть цветёт по расписанию

Сегодня
ночной цветок
раскрывается
ровно
в полночь...

Эпифантум
«Царица ночи»
цветёт один раз
в год

В полночь
распускается не только
цветок...

Антон Абрамов

Антон Абрамов

Смерть цветет по расписанию

<https://litres.ru/74003306>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Доме четырех сезонов июль включают посреди зимы: за стеклянным куполом - полярная ночь, внутри - лимоны, рассада, яблочный пирог и кафе Галины, где любой разговор начинается с чая.

Варвара Леванова приезжает сюда на месяц с целью помочь бабушке-ботанику разобрать архив и отдохнуть от московской редакции. Но во время праздника варенья в секторе вечного лета находят мертвым Кирилла Ладожского, инвестора, от которого зависело будущее оранжереи.

Все думают о несчастном случае: слабое сердце, душный «Июль», закрытая дверь. Только редкий ночной цветок раскрылся раньше срока, а Варвара слышит в чужих словах лишнюю фразу.

Кто запер Ладожского в оранжерее? Почему человек, которого все считали угрозой, собирался спасти Дом? И кто из своих слишком долго называл заботой то, что давно стало страхом?

«Смерть цветет по расписанию» - уютный северный детектив о старых ключах, яблочном пироге, семейных долгах и словах, которые выдают человека точнее отпечатков.

Содержание

Глава 1. Июль в январе	4
Глава 2. Душа места	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Антон Абрамов

Смерть цветет по расписанию

Глава 1. Июль в январе

В тот январь июль включили в девять утра.

За стеклянной стеной стояла полярная ночь. Снег лежал на рамах плотными валиками, синими в тени и сиреневыми у редких фонарей. Внутри тянуло влажной землёй и лимонной кожурой. Где-то капала вода. По длинным листьям монстеры скатывались прозрачные бусины. Персиковые деревца стояли в кадках с важным видом провинциальных артистов перед выходом на сцену.

Я вошла через служебный тамбур и сразу запотела в своей городской куртке с блестящей молнией. В Москве она выглядела уместно: метро и вечная спешка. Здесь куртка выдавала во мне человека, который купил вещь ради ветра, а получил домашнюю баню с цитрусами.

— Снимай, — велела бабушка. — А то через пять минут будешь похожа на рассаду в пакете.

Аглая Дмитриевна стояла у шкафа с ключами. На ней был тёмно-зелёный стёганный жилет и шерстяная кофта цвета су-

хой хвои. Резиновые сапоги с подсолнухами нарушали северную драму так уверенно, что спорить с ними было опасно.

— Здравствуй, Аглая Дмитриевна, — произнесла я.

— Утро будет добрым, когда Савелий починит верхнюю фрамугу, — отозвалась бабушка. — Пока у нас влажность скачет, люди суетятся. Папоротник гнётся к стене с видом свидетеля, который всё понял, но подписку давать отказался.

Сам он, конечно, просто стоял у стены. Но рядом с Аглаей Дмитриевной даже растения получали биографию.

Дом четырёх сезонов оказался меньше, чем в моих детских воспоминаниях, и гораздо теплее. В детстве он казался дворцом для ботаников, где взрослые разговаривают тихо, а листья имеют больше прав, чем посетители. Теперь я видела треснувшую плитку и потёртые поручни. У старых дверей ржавели петли. Зато стеклянный купол по-прежнему держал над собой темноту, а в середине зимы здесь цвели гибискусы, хотя за городом автобусные остановки засыпало снегом до расписания.

Я приехала на месяц. Формулировка звучала прилично и даже деловито. Разобрать архив и помочь бабушке — такой был официальный повод. Заодно прийти в себя после московской редакции. Там все письма начинались со слова “срочно”, а заканчивались чьим-нибудь обиженным молчанием.

На деле я сбежала. Слово некрасивое, зато честное. В тридцать шесть лет начинаешь ценить некрасивые честные

слова: они хотя бы экономят время.

— Чемодан где? — уточнила Аглая Дмитриевна.

— У входа.

— У какого?

— Главного.

Бабушка прикрыла глаза.

— Варя, в этом здании главный вход меняется в зависимости от того, кто принёс пироги. Иди забери, пока экскурсионная группа не решила, что это инсталляция про одиночество.

Я вернулась в тамбур. Мой чемодан стоял у батареи рядом с ящиком мандаринов и выглядел чужим, как адвокат на картошке. На ручке висела бирка из аэропорта, хотя летела я до Мурманска, а дальше ехала поездом. У станции меня ждала Нина Арсеньева, директор Дома. Последний отрезок пути мы проделали на её старенькой “Ниве”.

Нина встретила меня в синей парке и вязаной шапке с белой полосой. Под мышкой у неё был термос. Она говорила мягко, улыбалась без нажима и умела задавать вопросы, от которых хотелось отвечать правду.

— Устали? — спросила она тогда, ставя мой багаж в машину.

— Я редактор. Мы устаём заранее.

Нина тихо рассмеялась. Получилось негромко и коротко; такой звук уместен в помещениях с пожилыми посетителями.

— Здесь отдохнёте. У нас люди обычно оживают.

— А зелёные жилыцы?

— Растения нас терпят.

Так она мне понравилась. С людьми, которые не ставят себя выше фикуса, работать легче.

Теперь Нина где-то внутри здания командовала подготовкой к празднику. Сегодня вечером здесь открывали “Ночь длинного варенья” — местный зимний обычай, о котором бабушка в письмах писала с таким видом, словно человечество держалось на морошке. Смысл праздника был простой: жители приносили банки, спорили о рецептах и покупали пироги у Галины Пекарской, хозяйки маленького кафе у сектора “Апрель”.

— Завтра меня поставят подписывать карточки? — спросила я, катя чемодан по плитке.

— Сегодня, — поправила бабушка. — Завтра сюда явится Ладожский, и все начнут изображать культуру. До этого надо успеть сделать полезное.

Это имя она произнесла без особого выражения. Так врачи называют болезнь, которая уже записана в карте.

— Это инвестор?

— Это мужчина с деньгами и привычкой считать, что любая дверь открывается от его мнения.

— Ты с ним знакома?

— Фамилию знаю. Иногда этого хватает, чтобы испортить аппетит.

Мы прошли по кольцевому коридору. Слева за стеклом начинался “Январь”: низкие ели и камни. Между ними се-ребрились мхи. Там было прохладно, и дети обычно тыкали носами в стекло, уверенные, что вот он, настоящий Север, только без простуженной мамы. Справа шелестел “Апрель”: рассада в лотках и таблички на деревянных палочках. Дальше светился “Июль”, горячий и зелёный, с лимонами на шпалерах. За ним прятался “Октябрь”, где пахло яблоками и сухими травами.

Четыре времени года под одной крышей. В детстве я считала это волшебством. Взрослой мне хватило пяти минут, чтобы увидеть счета за отопление.

— Вон твоё место, — указала бабушка.

Стол стоял у окна в маленькой комнате между “Апрелем” и служебным коридором. На нём лежали стопка карточек и карандаши. В ящике обнаружили ножницы и кнопки. На дне лежал моток бечёвки, у стенки стояла чашка с надписью “Лучше спроси у ботаника”. Рядом стоял электрический чайник с толстым слоем накипи у дна.

— Карточки переписать по новому образцу, — объяснила Аглая Дмитриевна. — Русское название крупно, латинское помельче. Без этих ваших маркетинговых восторгов.

— Что попадает в этот раздел?

— “Нежная красавица тропиков” считать преступлением.

Я сняла куртку, повесила на спинку стула и взяла первую карточку. “Эпифиллум остролепестный”. Ниже было выве-

дено: “Царица ночи”. Края бумаги слегка размокли, чернила расплылись у буквы “ц”.

— Это тот самый цветок? — уточнила я.

— Тот самый, — кивнула бабушка. — Цветёт ночью. Редко и без лишнего кокетства.

— В отличие от людей.

— Люди цветут чаще и обычно не к месту.

Она забрала карточку, проверила название и вернула мне.

— Запомни: царица любит порядок. Сухость задерживает цветение. Духота торопит. Сквозняки она переносит хуже, чем я слово “брендирование”.

— Цветок с характером.

— Характер бывает у тех, кто не просит лайков.

За дверью кто-то громко чихнул. Следом раздался мужской голос:

— Аглая Дмитриевна, фрамуга не открывается!

— Значит, вы открываете не ту, Савелий.

В комнату заглянул невысокий мужчина в сером рабочем комбинезоне поверх толстого свитера. Лицо у него было широкое, загорелое не от солнца, а от северного ветра. На голове торчала вязаная шапка с эмблемой хоккейного клуба, который, по моим смутным знаниям, давно перестал выигрывать.

— Я двадцать лет открываю эту фрамугу, — буркнул он.

— С тем же успехом, — заметила бабушка.

Савелий перевёл взгляд на меня.

— Внучка?

— Варвара, — представилась я.

— Редактор, — добавила Аглая Дмитриевна. — Человек, который делает вид, что запятая способна улучшить мир.

— Этот знак хотя бы не течёт, — отозвался Савелий. —

В отличие от крыши.

— Крыша течёт из-за вашего философского отношения к шурупам.

— Шурупы держатся. Философия у нас в бухгалтерии.

Он ушёл, оставив за собой запах машинного масла. Бабушка проводила его взглядом с выражением строгой нежности. Так смотрят на кота, который десятый год ворует сметану и всё равно считается членом семьи.

— Савелий хороший? — поинтересовалась я.

— Полезный. Для мужчины это высокая оценка.

С карточками дело шло медленно. Латинские названия цеплялись за пальцы, как колючки. Я привыкла править тексты про выставки и аудиогиды. Там слово “уникальный” размножалось быстрее плесени. Здесь каждое растение требовало уважения. Ошибка в букве могла превратить скромный суккулент в дальнего родственника морской болезни.

К обеду я успела переписать семь карточек и испортить одну. Аглая Дмитриевна разглядела пометку, вздохнула и протянула мне новую бумагу.

— Сбавь скорость.

— Я и так пишу медленнее, чем живу.

— Значит, живёшь слишком нервно.

В коридоре запахло выпечкой. Это был честный запах: масло и горячая ягода. Через минуту в комнату вошла Галина Пекарская с подносом. На ней был бордовый сарафан поверх водолазки. Волосы она собрала платком с мелкими грушами. На запястье красовались часы с треснувшим стеклом.

— Кормлю работников умственного труда, — объявила она. — Пока они не начали есть карточки.

На подносе лежали пирожки с брусникой. Форма у них была разная: один напоминал варежку, другой — маленький корабль после шторма.

— Галочка, ты опять экспериментируешь с краем? — спросила Аглая Дмитриевна.

— Я даю тесту свободу.

— Тесто у тебя живёт лучше сотрудников.

Галина поставила поднос на стол и посмотрела на меня внимательно, без робости.

— Значит, вы Варвара. Московская внучка.

— Звучит как сорт редиса.

— У нас все сначала звучат странно, — утешила она. — Через неделю привыкнете. Через две начнёте ругать приезжих.

— Я приехала на месяц.

Галина и бабушка переглянулись. Очень коротко. Настолько выразительно, что мне стало обидно за собственную уверенность.

— На месяц так на месяц, — протянула хозяйка кафе. — У нас и рассада сначала думает, что она в стаканчике временно.

Пирожок оказался горячим, с кислой брусникой под тонкой сладкой корочкой. Я обожгла язык и почувствовала, что за последние недели это первая боль, не связанная с электронной почтой.

— Хорошо? — Галина следила за моим лицом.

— Опасно.

— Вот. А то некоторые спрашивают калорийность.

Я им отвечаю: такие цифры зависят от совести.

Аглая Дмитриевна взяла пирожок, надкусила и хмыкнула.

— Нормально.

Галина просияла. По местным меркам это равнялось ордену.

После обеда меня отправили в “Июль” заменить несколько табличек, размокших от влажности. Я взяла папку с карандашом и вошла в сектор через тяжёлую стеклянную дверь. Тепло легло на шею влажным полотенцем. С потолка падал мягкий свет. В кадках темнели стволы цитрусов, у стены стояла длинная скамья из старых досок. Лимоны висели низко. Жёлтая кожура была плотной и пористой. В прудике у дорожки шевельнулась рыбка, такая важная, словно владела акциями всего комплекса.

У царицы ночи было место в глубине, у кирпичной стены. Растение выглядело скромно: длинные плоские побеги

и подпорки. Верёвочки держали стебли у решётки. Никакого царственного блеска. Если бы не карточка, я бы прошла мимо.

Я присела, чтобы переписать название, и услышала за спиной женский голос:

— Не пугайтесь. Я всегда появляюсь в неудачный момент, это должностная обязанность.

Нина Арсеньева стояла на дорожке с папкой у груди. Вместо парки на ней был тёплый жакет из серой шерсти. На шее — тонкий голубой платок. Волосы собраны низко, без шпилек с жемчугом и прочей руководящей нарядности. Выглядела она усталой, но аккуратной. У людей, которые отвечают за старые здания, усталость обычно имеет инвентарный номер.

— Я переписываю царицу, — пояснила я.

— Аглая Дмитриевна доверила вам священный объект. Значит, вы приняты в круг.

— Мне казалось, испытание будет сложнее.

— Будет. Сегодня вечером вам придётся отличить шишковое варенье от ревеневого и никого не обидеть.

Нина подошла ближе, взглянула на цветок.

— Он раскроется ночью?

— Бабушка уверяет: если не капризничать.

— Аглая Дмитриевна обычно говорит это людям, но растениям тоже подходит.

Мы вышли из “Июля” вместе. Нина говорила о празднике

и расписании экскурсий. Ещё она жаловалась, что местный хор опять хочет петь у “Апреля”, хотя там от голосов дрожат стеклянные полки. Я слушала, кивала и ловила себя на странной мысли: рядом с ней хочется быть полезной. Некоторые люди умеют раздавать вину без единого упрёка.

— Вы правда приехали на месяц? — уточнила она у двери служебной комнаты.

— Таков официальный документ, выданный моей усталостью.

— Хорошая организация. Печать есть?

— Синяки под глазами.

Нина улыбнулась.

— Здесь у многих такие печати. Мы их не спрашиваем.

Она ушла к главному залу. Я вернулась к столу и обнаружила, что бабушка успела разложить передо мной новые карточки. Сверху лежала записка: “Без эпитетов”. Подчёркнуто дважды.

К вечеру Дом изменился. В коридорах появились бумажные ягоды на нитках. Столы накрыли клетчатыми скатертями. У входа повесили плакат “Ночь длинного варенья”. Последнюю букву в названии кто-то украсил бантиком. Аглая Дмитриевна мрачно разглядывала плакат.

— Бантик лишний, — вынесла она вердикт.

— Торжество же, — возразила я.

— Праздник не обязан терять достоинство.

У входа уже толпились люди: пожилые женщины в ярких

пуховых платках, школьники с телефонами. Двое туристов явились в одинаковых пуховиках цвета спелой тыквы. Один мужчина принёс банку такого размера, что в ней можно было хранить семейные тайны.

Галина бегала между столами, размахивая полотенцем.

— Савелий! Если ты ещё раз поставишь удлинитель рядом с самоваром, я тебя сама сдам технике безопасности!

— Она меня не возьмёт, — донеслось из-за колонны. — У неё график.

— У всех план, кроме тебя!

— У меня стаж.

— Опыт — это когда человек ошибался и запомнил. У тебя коллекция.

Люди смеялись. Дом наполнялся голосами и звоном ложек. В “Апреле” ставили стулья для лекции, в “Октябре” раскладывали банки с подписями. Я ходила с коробкой карточек и пыталась никому не мешать, что в узких коридорах было труднее, чем написать рекламный текст без слова “атмосферный”.

Около шести Нина собрала сотрудников у стойки кафе. Лицо у неё осталось мягким, но в руках появился блокнот, и все сразу выпрямились. Даже Савелий снял шапку.

— Сегодня гостей больше, чем в прошлом году, — начала она. — Галина отвечает за дегустацию. Савелий следит за электричеством. Варвара помогает Аглае Дмитриевне у “Июля”.

— Моя внучка пока различает только живое и латинское,

— предупредила бабушка.

— Этого уже достаточно для культуры, — подхватила Нина.

Галина наклонилась ко мне:

— Если спросят про варенье из шишек, отвечайте уверенно. Здесь половина успеха в лице.

— А другая?

— В том, чтобы банку не уронили.

Нина перевернула страницу блокнота.

— И ещё. Завтра утром приезжает Кирилл Андреевич Ладожский.

Тишина вышла короткой, но плотной. В ней щёлкнул выключатель у самовара. Где-то упала ложка.

— Можно без траура? — попросила Нина. — Он гость.

— Гости приходят с цветами, — проворчала Галина. — Этот придёт с юристами.

Савелий потёр переносицу.

— Зачем ему наш праздник?

— Сегодня он не приедет, — объяснила Нина. — Завтра встреча с администрацией и советом Дома. Но журналисты уже в городе. Лика Мороз снимает материал для канала о северных маршрутах.

— Канал о чём? — насторожилась Аглая Дмитриевна.

— О путешествиях.

— Пусть путешествует мимо моих растений.

— Бабушка, — тихо вмешалась я, — это вряд ли рекламная стратегия.

— У меня нет стратегии. Есть секатор.

Нина закрыла блокнот.

— Нам нужно провести вечер спокойно. Без разговоров о продаже и слухов при гостях.

— То есть без содержания, — уточнила Галина.

— С содержанием в банках, — мягко ответила Нина.

Снова засмеялись, но уже тише. Имя Ладожского осталось в помещении, как влажный след на полу: вроде вытерли, а всё равно видно.

Позже началась лекция Аглаи Дмитриевны. Она встала у стола с банками и поправила жилет. Взгляд обвёл слушателей так сурово, что даже дети убрали телефоны. Я стояла рядом с карточками, готовая подавать нужные названия.

— Варенье, — начала бабушка, — это способ объяснить зиме, что человек не согласен.

Публика одобрительно зашумела.

— Северная ягода требует уважения. Морошку давят бережно. Облепиху нельзя варить с унынием. Шишки надо собирать молодыми, пока они не начали подозревать людей в коммерции.

Турист в тыквенном пуховике поднял руку.

— А можно без сахара?

Аглая Дмитриевна посмотрела на него с интересом учёного, обнаружившего новый вид вредителя.

— Можно. Но зачем тогда жить?

Лекция прошла с успехом. Дети попробовали шишковое варенье и сделали лица, которые стоило снять для научного архива. Пожилые женщины спорили о пропорциях. Галина продала все пироги с брусникой и громко заявила: выручки хватит на временную передышку перед разорением.

К девяти вечера я устала так, как устают только люди, которые весь день были вежливы. Щёки болели от улыбок. В голове смешались латинские названия и морошка. Голос бабушки объяснял школьнику, что “экзотика” — это слово для тех, кто дома редко моет подоконник.

Я вышла в коридор у “Июля”. Там было тише. За стеклом зеленели листья, на скамье лежала забытая варёжка с красным оленем. У дальней стены темнела царица ночи. Бутон был закрыт, плотный, с бледными краями.

— Скучаете? — раздалось рядом.

Я повернулась. Передо мной стоял мужчина лет пятидесяти с лишним. Высокий, подтянутый. Под расстёгнутой утеплённой курткой виднелся тёмный городской костюм. На шее — кашемировый шарф, в руке — кожаные перчатки. Лицо знакомое: я видела его на сайте компании, куда заглядывала из чистого редакторского вреда.

Кирилл Андреевич Ладожский.

— Вы должны приехать завтра, — вырвалось у меня.

— Должен — плохое слово для северной дороги, — заметил он. — С такими дорогами планы быстро рассыпаются.

Голос у него был спокойный, чуть хриплый. Он снял перчатку и протянул руку.

— Варвара Леванова? Нина говорила, вы умеете спасать тексты.

— Рукописи спасают авторов. Я только убираю лишнюю пену.

— Тогда вы мне нужны.

Он кивнул в сторону зала, где звенели ложки.

— У меня завтра речь. Мне написали слова про душу места. Я человек грешный, но такую вину на себя брать не готов.

Я рассмеялась раньше, чем успела решить, нравится он мне или нет.

— Покажите.

Ладожский достал из внутреннего кармана сложенный лист. Бумага была плотная, с логотипом компании. В первом абзаце действительно стояло: “Дом четырёх сезонов — уникальная территория памяти, тепла и человеческого доверия”.

— Больно? — спросил он.

— Терпимо. Но доверие уже просит обезболивающее.

— Вот видите. Я чувствовал, что меня хотят выставить благотворителем с дикцией рекламного буклета.

— А вы кто?

Ладожский задержал взгляд на стекле “Июля”.

— Пока не решил. Завтра сообщу.

Он произнёс это легко, но пальцы на листе сжались. Я заметила мелкую деталь: на ладони у него лежала таблетка в серебристой ячейке. Он перехватил мой взгляд и убрал блистер.

— Сердце шалит? — вопрос получился резче, чем я хотела.

— Возраст напоминает о себе через посредников. У кого-то колени, у меня кардиолог.

— Тогда вам не стоит стоять у “Июля”. Там жарко.

— А я думал, это местная достопримечательность.

— Достопримечательности бывают опасны. Особенно с влажностью.

Он усмехнулся.

— Вы говорите как ваша бабушка, только с меньшей вероятностью ударить указкой.

— У неё нет указки.

— Уверены?

Из зала вышла Нина. Увидев Ладожского, она на секунду остановилась. Лицо оставалось приветливым; рука с блокнотом прижалась к боку сильнее, чем требовалось.

— Кирилл Андреевич. Мы ждали вас утром.

— Дорога решила иначе.

— Надо было предупредить.

— Я люблю делать людям маленькие сюрпризы.

— У нас пожилые сотрудники. Сюрпризы лучше согласовывать.

Он улыбнулся, но глаза не улыбнулись.

— Я ненадолго. Хотел посмотреть праздник без официальной части.

— Тогда пойдёмте к гостям. Галина ещё оставила ревеневое.

— Ревень переживёт моё отсутствие. Мне нужно обсудить завтрашний текст с Варварой.

Нина перевела взгляд на меня. Не сердито. Скорее внимательно, как человек, который проверяет, не поставили ли горячую чашку на старую полировку.

— Конечно. Только не задерживайтесь у “Июля”. Здесь душно.

— Все сегодня заботятся о моём дыхании, — усмехнулся Ладожский.

— Это Север, — ответила Нина. — Здесь к дыханию относятся серьёзно.

Она ушла первой. Ладожский посмотрел ей вслед.

— У вас директор с замашками губернатора.

— А у вас речь с талантом пресс-релиза.

— Значит, у каждого своя беда.

Мы прошли к моему маленькому столу. Я взяла карандаш, он сел напротив. За стеной гудел праздник. Через стекло “Апреля” виднелась Галина, которая отнимала у туриста пустую банку с видом хирурга после трудной операции. Савелий нёс гирлянду и явно жалел, что электрику нельзя воспитывать молотком.

Ладожский развернул лист.

— Я хочу объявить людям, что Дом будет жить, — тихо произнёс он. — Но если я начну с аудита, меня возненавидят до второго предложения.

— Возможно, до первого.

— Вы честный редактор.

— Я просто видела вашу первую фразу.

Он усмехнулся, провёл пальцем по строке и вычеркнул “уникальную территорию”.

— Вот это приятно, — заметила я. — Автор сам пошёл на ампутацию.

— У меня хороший хирург.

Мы работали минут двадцать. Он оказался умнее своего сайта и суше своей биографии. Слово “миссия” вызывало у него гримасу. От “синергии” он морщился особенно заметно. Выражение “бережное развитие” Ладожский попросил убрать без права переписки.

— Бережно можно гладить кота, — заявил он. — Развитие обычно приходит с ломом и сметой.

— Запишу: смета звучит честнее.

— Слишком честно для утра.

Он снял шарф, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. На виске блеснула капля пота.

— Вам плохо?

— Здесь жарко.

— Мы можем открыть дверь.

— Нет. Я сам виноват, захотел северного лета в январе.

В этот момент в комнату заглянула Аглая Дмитриевна. Она увидела Ладожского с листом правок. Мой карандаш завис над строкой. Бабушка подняла брови.

— Варвара, я просила переписать карточки, а не заниматься реанимацией чиновничьей прозы.

— Я частный инвестор, — мягко возразил Ладожский.

— Это многое объясняет и ничего не улучшает.

Он встал. Вежливо, без раздражения.

— Аглая Дмитриевна. Рад знакомству.

— Радость проверяется после ухода гостя.

— Постараюсь заслужить.

— Не старайтесь. Просто не ломайте.

Я ждала, что он обидится. Ладожский кивнул с таким видом, как ученик, получивший справедливую двойку.

— Договорились.

Бабушка повернулась ко мне:

— Через десять минут царицу надо проверить. Бутон набрал воду.

— Я подойду.

— Возьми фонарь. И не трогай подпорки.

Она исчезла. Ладожский проводил её взглядом с интересом.

— Потрясающая женщина.

— Она любит, когда её боятся.

— Значит, у неё с миром здоровые отношения.

Мы закончили правку ближе к десяти. Речь стала короче и человечнее. Исчезли “ценности”, остались крыша и фонд. Про рабочие места Ладожский решил говорить прямо. Он сложил лист, убрал в карман и задержался у двери.

— Спасибо. Завтра вы услышите, как ваш труд испортят микрофоном.

— Я переживу.

— Тогда до утра.

Он ушёл к главному выходу, где уже собирались гости. Через минуту в коридоре прозвучал его голос, затем смех Нины. Звук был тот же — короткий и негромкий. Но на этот раз он прозвучал без тепла.

Я взяла фонарь и пошла к “Июлю”. В секторе стало влажнее. Стёкла у верхних рам запотели. Царица ночи держала бутон закрытым, но бледные лепестки на кончике уже расходились тонкими линиями.

— Ну что, ваше величество, — прошептала я, — у нас тут инвестор и праздник. Бабушка держит секатор. Держитесь достойно.

Ответа, конечно, не последовало. Это было самое разумное поведение за весь вечер.

Когда я вернулась, праздник уже сворачивали. Гости уходили с банками, дети тянули взрослых к выходу. Галина считала выручку и страдала вслух, что снова ничего не заработала. Савелий снимал гирлянду, стоя на стремянке с видом святого мученика коммунального хозяйства.

Нина стояла у стойки кафе и разговаривала с Ладожским. Их голоса были низкими. Слова не долетали, но лица я видела хорошо.

Он говорил спокойно. Она слушала, прижав блокнот к груди.

В какой-то момент Ладожский наклонился к ней и произнёс фразу, которую я разобрала:

— Завтра будет неприятно, Нина. Но иначе нельзя.

Она не отвела глаз. Только кивнула.

— Конечно.

Одно слово. Вежливое и безупречно чистое.

Но я всю жизнь работала со словами и знала: за самыми чистыми формулировками нередко прячут грязные руки.

Глава 2. Душа места

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.